

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской академии наук

ШЕСТЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Международная научная конференция
«Петербургская текстологическая школа:
традиции и развитие»

Тезисы докладов

Издательство «Пушкинский Дом»
Санкт-Петербург
2021

ISBN 978-5-91476-128-5

Оргкомитет Шестых Лихачевских чтений:

С. А. Семячко, докт. филол. наук (председатель),
А. Б. Белова (секретарь).
Е. Г. Водолазкин, докт. филол. наук,
О. В. Панченко, канд. филол. наук,
Н. В. Понырко, докт. филол. наук, профессор,
М. А. Федотова, канд. филол. наук.

Редактор-составитель — С. А. Семячко

Рецензенты:

В. А. Ромодановская, канд. филол. наук,
Г. В. Маркелов

Шестые Лихачевские чтения. Международная научная конференция
«Петербургская текстологическая школа: традиции и развитие».
Тезисы докладов. — СПб.: Издательство «Пушкинский Дом»,
2021. — 156 с.

ISBN 978-5-91476-128-5

© Коллектив авторов, 2021
© Издательство «Пушкинский Дом», 2021

3) фрагмента «стояние на костях», состоящего из описания поля боя после битвы, «расчета убитых» и последующих двух речей Дмитрия Ивановича.

Анализ этих чтений показывает довольно сложную картину взаимосвязи «Задонщины» и «Сказания»:

1. Поэтическая «Задонщина» была создана после «Сказания о Мамаевом побоище» и с использованием содержащихся в нем сведений. Известно две редакции «Задонщины»: Краткая и Пространная. Ни одна из них не является первоначальной, они восходят к общему протографу.

2. В авторский текст «Задонщины» составителем Пространной редакции были внесены некоторые добавления.

3. Составители позднейших редакций «Сказания» вносили вставки из «Задонщины», причем как фрагменты авторского текста, так и добавления составителя Пространной редакции «Задонщины» (к ним, по нашему мнению, следует отнести, в частности, фразу о пире у Микулы Васильевича; расчет лет от битвы на Калке до Мамаева побоища и «подсчет убитых»).

4. В поздних редакциях «Сказания» заимствованные из «Задонщины» фрагменты иногда дублируют авторский текст памятника, как, например, в случае с заимствованием фрагмента «стояние на костях».

В. С. Томеллери (*Турин*)

О славянской передаче «этимологических» объяснений в Толковой Псалтири Брунона

Церковнославянский перевод комментария Толковой Псалтири Вюрцбургского епископа Брунона, осуществлённый Дмитрием Герасимовым в первой половине XVI в. по поручению тогдашнего новгородского архие-

пископа Макария, характеризуется дословным подходом к своей модели. Он верно воспроизводит не только порядок, но и количество слов латинского подлинника: в подавляющем большинстве случаев один лексический элемент оригинала замещается одним — но не обязательно тем же — элементом переводящего языка. Об этом свидетельствуют обсуждаемые здесь отрывки, выборочно взятые из разных толкований к псалмам. В общем-то относительно простая синтаксическая структура богословских толкований к псалмам читается без особых затруднений и в славянском переводе.

В настоящем докладе главное внимание будет сосредоточено на представлении определённых «этимологических» объяснений, служащих лингвистическому и богословскому толкованию некоторых ключевых слов или выражений псалтырного текста.

Латинская средневековая этимология, в отличие от современной одноимённой дисциплины, не стремилась к установлению происхождения слов, а пыталась выявить более глубокую связь между внешней звуковой формой и глубоким значением слова, в основном обращая пристальное внимание на семантический аспект. В этом смысле, семантика слова, выявляемая на основе формального сходства, становится гораздо важнее его происхождения.

Нельзя, однако, относиться к этим этимологическим объяснениям снисходительно, считая их плодом чистого невежества или остроумных соображений игрового характера, противоречащим здравому смыслу. Несмотря на то, что они на первый, а также на второй взгляд оказываются достаточно странными и совсем неубедительными, эти примеры заслуживают внимания, так как проливают свет на лингвистическую мысль западного средневековья. Действительно, объяснительная сила и, тем самым, дидактический потенциал средневековых этимологий представляли собой немаловажный фактор

в толковании священного писания вообще; в Толковой Псалтири Брунона, в частности, применение таких этимологических объяснений, служившее глубокому пониманию и осмыслению библейского или евангельского текстов, преследовало наставительно-катехизическую, а не экзегетическую цель.

Основополагающим синтезом латинской средневековой этимологии считается Исидор Севильский (умер в 636 г.), который в своем энциклопедическом сочинении, носившем программное название «Этимологии или начала», превратил этимологию во всеобъемлющее средство познания мира, так как онтологическая связь слова с обозначаемой им вещью познается с помощью слова. Исходя не из обозначаемых вещей, а из самих обозначений, Исидор пытался глубоко проникнуть в значение слов; в таком понимании этимология является средством для раскрытия сущности слова через его формальный анализ. Главным принципом при «правильном» этимологическом толковании любого слова являлось соблюдение двух моментов, охватывающих как формальную, так и семантическую сторону знака, т.е. звуковое совпадение, или созвучие, сравниваемых единиц (*litterarum similitudo*) и свойство (*proprietas rei*) обозначаемого. К этому методу, определявшемуся как *expositio* в отличие от традиционной грамматической этимологии (*derivatio*), очень часто прибегали христианские авторы, в особенности Кассиорор, чьи комментарии к Псалтири занимают львиную долю в компиляции, составленной Бруноном в первой половине XI-го столетия. Именно Кассиодор подчёркивал важность звуковой близости.

Важное значение имеет так называемый метод объяснения по сложению (*compositio*), согласно которому в подвергавшейся разбору лексеме отмечалось присутствие двух или более слов, чья смысловая комбинация и создавала основу для её толкования; такой подход

связан прежде всего с необходимостью аллегорического объяснения библейского текста; действительно, подобным попыткам этимологизации никакое слово, в принципе, не могло оказать сопротивление. С точки зрения современной этимологической науки такие интерпретации, естественно, не выдерживают серьёзной лингвистической критики: очень часто приходится сталкиваться с этимологическими попытками, при которых слово разлагается по слогам и свободно комбинируется с другими, описываясь изобразительно и изобретательно в отрывочной форме; при этом либо термин, подлежащий объяснению, либо отдельные мелкие части, в которые оно искусственно разбивается, в конечном итоге превращаются в «чудовища», то есть в чистые звуки, лишённые значения, или фрагменты, произвольно созданные для интерпретации морфологических механизмов словообразования, основывающихся на мнимом сходстве без учёта фонетических законов.

При переводе на славянский язык, однако, связь между внешней формой и истинном смыслом языкового знака, установленная в латинском подлиннике, полностью утрачивается, остаётся лишь семантическое объяснение толкуемого текста.

Приведём сейчас несколько показательных примеров, распределённых по следующей схеме, восходящей к классификации Исидора Севильского:

(1) По причине (*ex causa*)

34,2: Arma ab arcendo dicta sunt, quod per ea hostes violentissimos arceamus; per arma coelestia adiutoria, per scutum divina protectio designatur — О́ръжіа ѿ възспащеніа нарекошася, ѣже тѣми вра́ги си́лнѣйшаа възспаца́емъ; о́ръжіи нѣнаа́ посовіа ѧ щитѣ ѡжтвеное защищеніе назн́аменочѣтса

(2) По иностранному языку (*ex graeca vel hebraica etymologia*)

9,4 thronum graecum est, latine sedes, quia unusquisque sedes Dei est — прѣлазъ бо, греческы ꙗꙗронѣмъ глѣтса. по латынѣ сѣды же сѣдалище бж҃іе єсть. ꙗꙗко ко кождо сѣдалище бж҃іе єсть.

(3) По составлению (*ex compositione*):

7,17: Dolor enim dictus quasi domabilis horror — Болѣзнь бо наречеса ѡкы оуꙗ кроуѣмыи оуѣасъ.

(4) По словообразованию (*ex derivatione*)

2,2: princeps dictus quasi prima capiens — кнѣзь бо наречеса ѡки прѣваа прѣѣмла.

Кроме собственных «этимологий», в Толковой Псалтири Брунона имеются некоторые на наш взгляд интересные риторические или грамматические термины, чья славянская передача заслуживает внимания.

Можно в принципе выдвигать гипотезу о том, что перевод Дмитрия Герасимова имел целью объяснить не славянский текст Псалтири, а именно латинский — но средствами славянского языка: латинские слова подменяются славянскими эквивалентами, которые при этом как бы дематериализуются и служат лишь отсылками к латинским через указание на их значение; трудно себе представить, однако, чтобы при чтении подобных комментариев славянский книжник обращался к латинской модели. Какого бы мы мнения ни придерживались, в славянском тексте остаётся лишь определение истинного смысла толкуемого слова, без формального подкрепления предложенной в толковании интерпретации.

Представленные в докладе примеры выполняют двойную функцию: во-первых, ознакомить читателей со славянским восприятием этой важной страницы западной экзегетической традиции; во-вторых, приведением более широкого контекста, в котором находится толкуемая лексема, предоставить исследователям доступ к изучению разного рода интересных текстологических фактов и лингвистических явлений.